Наращивание Китаем совокупной национальной мощи: американский фактор

© 2015

В. Балакин

В последнее десятилетие американский фактор играет существенную роль в стимулировании усилий Китая по наращиванию совокупной национальной мощи. США сегодня уже не всегда способны эффективно противодействовать китайским геополитическим устремлениям в связи с ослаблением своих экономических позиций в восточноазиатском регионе и невозможностью аккумулировать там достаточное превосходство военной силы. Таким образом, Восточная Азия становится ареной жесткого соперничества между КНР и США в альянсе с Японией, ведущей собственную стратегическую игру.

Ключевые слова: Китай, США, Япония, Восточная Азия, совокупная национальная мощь, геополитические устремления.

В 2013 г. геополитическая ситуация в Восточной Азии крайне осложнилась в связи с американскими планами по противодействию КНР на региональном и глобальном уровнях. В своей статье «К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы» В.Я. Портяков отмечает, что в восточноазиатском регионе произошли важные подвижки, непосредственно затронувшие Китай, и в их числе ключевым фактором стал провозглашенный администрацией Б. Обамы курс на «возвращение США в Азию». В последнее десятилетие Вашингтон весьма обеспокоен отдельными успешными результатами усилий КНР, направленных на всемерное стимулирование процессов экономической интеграции в Восточной Азии. Очевидная взаимовыгодность данных процессов для стран региона свидетельствует, по мнению авторитетных международных экспертов, об эффективности внешней политики Китая на этом направлении и тщетности в обозримой перспективе устремлений США сохранить за собой доминирующую роль в восточноазиатских делах. В Вашингтоне также осознают, что региональные интеграционные процессы носят объективный характер и американской стороне фактически нечего противопоставить планам КНР по наращиванию совокупной национальной мощи с точки зрения формирования сплоченного «китайского мира»¹.

Внешняя политика Китая в Восточной Азии в целом направлена на создание условий, в которых США вынуждены будут смириться с нарастающим доминированием КНР в Восточной Азии. Чтобы превратить названную стратегию в реальность, Пекину необходимо ослабить региональную систему военно-политических союзов, которые были сформированы Вашингтоном с отдельными восточноазиатскими государствами.

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru.

Уже сегодня понятно, что США проигнорируют интересы КНР в Восточной Азии, поскольку намерены создать собственную региональную архитектуру политического доминирования в соответствии с изменившимися условиями международной среды. Перенесение акцента усилий США на сдерживание роста влияния Китая в Восточной Азии вызвано, как откровенно заявила тогдашний госсекретарь Х. Клинтон: *наступлением «тихоокеанского века» для Америки и готовностью Вашингтона принять на себя лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, опираясь на пожелания местных американских партнеров и союзников*². Госсекретарь США дала понять, что Америка намерена привлечь к сдерживанию Китая не только восточноазиатские страны, но и государства всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

КНР не может игнорировать прямую военную угрозу, исходящую от США, особенно, когда эта угроза нарастает непосредственно у китайских границ. Во Вьетнам зачастили высокопоставленные деятели американской администрации, проявляя заметный практический интерес к бывшей советской военно-морской базе в Камране. В ходе визита во Вьетнам министр обороны США Л. Панетта открыто заявил: «Доступ судам ВМФ США на этот объект является ключевым компонентом американо-вьетнамского взаимодействия»³. Помимо военной угрозы Китай начинает ощущать угрозу своим ключевым экономическим интересам в восточноазиатском регионе. Еще в ноябре 2011 г. США объявили о начале формирования крупного интеграционного проекта под названием «Тихоокеанское партнерство», целью которого является создание в АТР преференциального торгового режима на основе многостороннего торгового соглашения с участием Австралии, Брунея, Вьетнама, Малайзии, Новой Зеландии, Перу, Сингапура и Чили, но принципиально без участия Китая.

Реакция КНР на возникновение в Азиатско-Тихоокеанском регионе геополитических вызовов со стороны США и на развитие международной ситуации в целом оказалась сдержанной. Как представляется, китайское руководство понимает логику действий американской администрации, сводящуюся к стремлению заставить Пекин нервничать, а значит, предпринимать поспешные внешнеполитические шаги. Однако пропагандистские усилия Вашингтона вряд ли заставят Китай отказаться от хорошо разработанной на перспективу программы вытеснения США из Восточной Азии. Современная американская стратегия на Тихом океане не способна вернуть США лидирующие позиции в регионе, поскольку эта стратегия основана на стремлении компенсировать пошатнувшиеся экономические позиции путем устаревшего метода военно-политического давления, которого в Пекине не опасаются по причине неспособности Вашингтона реально обеспечить такое давление⁴. Безусловно, имеются объективные трудности, делающие американскую политику в Восточной Азии весьма уязвимой в силу физической невозможности сконцентрировать необходимые силы, разбросанные на Ближнем Востоке, в Афганистане, а теперь — и на Украине.

И в Китае, и в США уверены, что региональное лидерство является для великих держав важнейшим фактором, который нельзя игнорировать в современной глобальной системе международных отношений. Для Восточной Азии этот фактор играет не столько теоретическую, сколько практическую роль, не учитывая нынешние тенденции развития процессов регионализма и регионализации. Многие международные эксперты задаются вопросом: что случится, когда КНР и США сойдутся в схватке за влияние в восточноазиатском регионе, и какой в связи с этим будет позиция Японии⁵. Все названные участники данного процесса понимают важность признания лидерской роли каждого из них со стороны других региональных государств и поэтому используют собственные стратегию и тактику для достижения поставленной цели. Но достижение лидерства задача сложная,

требующая постоянного подтверждения тех новых идей, норм и правил, которые потенциальный лидер должен предложить региональному сообществу.

Лидерство предоставляет государству, его осуществляющему, широкие политические и экономические возможности, но одновременно накладывает серьезные финансовые обязательства. Уверенное лидерство позволяет контролировать страны региона по всем направлениям, особенно в политической сфере. Так, до последнего времени подобный тотальный контроль осуществлялся со стороны США в отношении Японии. Однако возникает проблема: как сбалансировать преимущества и издержки в долгосрочной перспективе, поскольку реальных преимуществ в рамках восточноазиатской интеграции больше у Пекина, а издержек больше у Вашингтона⁶. Именно данный фактор побуждает Японию предпринимать поистине титанические усилия, чтобы возвыситься над китайско-американским противостоянием.

Восточноазиатский политический процесс не может игнорировать существующие глобальные международные институты, а там, как известно, прослеживается четкая иерархия государств-участников в прямой зависимости от их экономических и военных возможностей. Нельзя быть влиятельным на региональном уровне, не будучи таковым на мировом уровне. Пример Японии с ее внешнеполитической и военной слабостью на глобальном уровне наглядно демонстрирует причины, по которым ни США, ни Китай не рассматривают пока всерьез международный потенциал Японии. В Вашингтоне прекрасно отдают себе отчет в том, что в варианте восточноазиатской интеграции Токио никогда не станет надежным проводником американской политической воли, а потому США в принципе отвергают любую институализацию интеграционных процессов в Восточной Азии⁷. Создание «Тихоокеанского сообщества» становится сегодня для американской администрации единственным путем возвращения США в АТР, поскольку США явно не рассчитывают на японскую лояльность.

Стремление США к гегемонии как на глобальном, так и региональном уровнях, в случае Восточной Азии сегодня уже не реализуемо, и это хорошо понимают и союзники, и противники Вашингтона. Руководство КНР невысоко оценивает лидерские способности США, но тем не менее, не пускает процесс региональной интеграции на самотек и продолжает наращивать свою национальную мощь по всем направлениям. По мнению южнокорейских экспертов, тесная привязка Японии к внешней политике США по сути дела закрыла перед ней «окно возможностей» играть лидирующую роль в восточноазиатской интеграции⁸. Китай же, начиная с 1 января 2010 г. наращивает успешно свой региональный потенциал путем формирования зоны свободной торговли с АСЕАН.

Усиливающееся воздействие американского фактора на восточноазиатские дела побуждает КНР предпринимать всесторонние усилия по наращиванию своей совокупной национальной мощи. Мощь Китая уже достигла такой величины, когда на региональном уровне страна готова противостоять Вашингтону, не оглядываясь ни на него, ни на его союзников⁹. Финансовая зависимость США от КНР серьезно умеряет американские амбиции и объективно вынуждает американскую администрацию не столько напрямую угрожать Пекину своим военным потенциалом, сколько предпринимать попытки создать вокруг Китая «пояс нестабильности», делая акцент на разжигание устойчивых антикитайских националистических настроений в Центральной и Юго-Восточной Азии. Но главной целью сегодняшней внешней политики США в Восточной Азии остается недопущение реализации китайской интеграционной модели в регионе и разрушение китайско-российского стратегического взаимодействия.

Противостояние КНР и США в восточноазиатском регионе связано с тем, что центр тяжести международной политики постепенно перемещается из зоны Атлантики в

Тихоокеанскую зону. В Китае приняли меры, чтобы не допустить окружения КНР кольцом военных баз. Шансы Китая на лидерство подкрепляются тем обстоятельством, что он вышел из экономического кризиса окрепшим, а США — ослабленными. Пекин стремится показать региональному истеблишменту недопустимость попыток Вашингтона сколотить антикитайскую коалицию, несущую с собой угрозу военного столкновения с КНР. Китай уличает США в стремлении к формированию нового военного альянса в составе Японии, Австралии, Вьетнама и, возможно, Индии, хотя в индийском руководстве твердо дают понять свое негативное отношение к данной идее, особенно после успешного завершения последнего саммита БРИКС в Бразилии и недавнего визита ее премьер-министра в КНР¹⁰.

Наращивание совокупной национальной мощи Китая парирует наиболее опасные угрозы американского присутствия в Восточной Азии. США могут перекрыть важнейшую для КНР морскую транспортную артерию — Малаккский пролив, через который проходит около 85% нефти, поступающей в Китай с африканского континента и Ближнего Востока. Осознавая эту опасность, китайское руководство разрабатывает меры по преодолению «малаккского тупика» путем договоренностей с дружественными странами на северном побережье Индийского океана: в числе которых Мьянма, Бангладеш, Шри-Ланка, Пакистан и Иран. Благодаря этим мероприятиям, китайские корабли получают возможность выходить в океан, минуя Малаккский пролив¹¹. В КНР предполагают, что это позволит укрепить китайские позиции в Бенгальском заливе и Южно-Китайском море.

Одновременно Китай усиливает свое присутствие в чувствительных для США районах мира, таких как Центральная и Южная Америка. Создан «китайский плацдарм» в зоне Панамского канала, для чего были арендованы панамские порты на Атлантическом и Тихом океанах. Укрепляются всесторонние связи с Тайванем, в соответствии успешно претворенной в Сянгане концепцией «одна страна — две системы»¹². Еще одним важным районом мира для Китая является Ормузский пролив, через который проходит более 20% нефти, поступающей в КНР.

Таким образом, США побуждает Китай ускоренными темпами наращивать свою совокупную национальную мощь. В Вашингтоне, похоже, до сих пор не осознают, что попытки заставить Пекин играть на международной арене по американским правилам никогда не сработают (и наоборот, в обозримой перспективе приведут лишь к неконтролируемому извне влиянию национализма)¹³. Именно с этого момента национализм в Китае стал серьезным стимулятором наращиванию китайской национальной мощи и стремления КНР создать реальную стратегическую конкуренцию в отношениях с США. Относительное ослабление американской экономики предоставляет Китаю уникальную возможность переломить геополитическую ситуацию в Восточной Азии в свою пользу.

Подводя итог, можно с большой долей уверенности утверждать, что активное наращивание совокупной национальной мощи Китая во многом вызвано ощущением реальной опасности оказаться под сконцентрированным прессингом со стороны США, ищущих любые возможности поправить свой пошатнувшийся престиж единственной сверхдержавы мира. Международные эксперты уверены в достаточно широких потенциальных возможностях КНР эффективно нейтрализовывать американские меры против китайских усилий по достижению лидерства в восточноазиатском регионе. Речь, прежде всего, идет о китайско-российском стратегическом взаимодействии, которое является важным рычагом сдерживания США и не может ими игнорироваться. Китай в определенной критической ситуации может прибегнуть в ответ на американское давление к чувствительным финансовым операциям на международном рынке, способным нанести

существенный ущерб позиции доллара в качестве главной мировой резервной валюты. По последним международным оценкам, китайское руководство готово упорно и без колебаний противостоять США в различных сферах и последовательно наращивает для этого свою совокупную национальную мощь¹⁴. Вместе с тем оно отнюдь не желает обострять по собственной инициативе китайско-американские отношения и готово развивать стратегическое партнерство как в двустороннем так и в многостороннем формате для решения проблем региональной и глобальной безопасности.

1. *Campbell, Joel R.* US Foreign Policy toward Northeast Asia // *Perception*. Winter 2012, Vol. XVIII, No. 4. P. 26.
2. *Clinton, Hilary.* America's Pacific Century // *Foreign Policy*. October 11, 2011. P. 10.
3. Los Angeles Time. June 3, 2011.
4. *Cheng Xiangyang.* Meiguo zhanlue dongyi de beihou (Контекст американской стратегии «разворота» в Азию) // *Liaowang*. December 05, 2013. P. 12.
5. *Yoshihide, Soeya.* Redefining Japan's Security Profile // *Institute for International Policy Studies*. Tokyo. February 18, 2013. P. 22.
6. *Bates, Gill.* Rising Star: China's New Security Diplomacy // *Brookings Institution*. Washington D.C., 2013. P. 19.
7. *Chanlett-Avery, Emma.* The U.S.—Japan Alliance // *Congressional Research Service Report*. Washington D.C., 2013. P. 11–13.
8. *Curtis, Gerald.* Future Directions in US-Japan Relations // *New Shimoda Conference*. Tokyo. February, 2012. P. 2–5.
9. *Zheng Bijian.* China's Peaceful Rise to Great Power Status // *Foreign Affairs*. Vol. 84, No. 5. October, 2012. P. 22–24.
10. *Hung Ming-Te.* Sino-U.S. Strategic Competition in East Asia // *Political Perspectives*. Vol. 5(3). National Chung Hsing University. Singapore, 2013. P. 96–113.
11. *Steinherr, Konrad.* Integration in Asien // *Wochenbericht*, No. 34. Berlin, 2012. S.4.
12. *Men Honghua.* Zhongguo guan shili pinggu baodao (Зафиксированная оценка слабой аргументации со стороны Китая) // *Guoji guancha*, No. 2. Beijing, 2012. P. 19–20.
13. *Walt, Stephen M.* Explaining Obama's Asia Policy // *Foreign Policy*. Washington D.C. December 14, 2012. P. 18.
14. *Lim, Robyn.* The Geopolitics of East Asia // London: Routledge, 2013. P. 20.